

На правах рукописи

Барабанов Олег Андреевич

**Послевоенные формы внешнего вмешательства
в кризисные процессы на территории
БиГ (1995–2008) и СРЮ (1999–2008)**

**Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(Новое и новейшее время)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва – 2018

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте славяноведения РАН в Отделе современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы

Научный руководитель-консультант:

доктор исторических наук **Никифоров Константин Владимирович**
(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН, директор Института)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук **Шмелев Борис Александрович**
(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики РАН» (**ИЭ РАН**), главный научный сотрудник, профессор)

кандидат исторических наук **Бондарев Никита Викторович**
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (**РГГУ**), доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (**СПбГУ**)

Защита состоится «___» _____ **2018 г.** в 15 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.248.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корп. «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН, на сайте ИСл РАН.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.
Размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru> и ВАК при Минобрнауки России

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Хаванова О.В.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования обуславливается как научными, так и имеющими практическое значение факторами. Нарастающие противоречия между глобальными центрами силы в мире, взаимные обвинения во влиянии на внутренние процессы требуют научного поиска исторических аналогий феномена внешнего вмешательства, выявления его форм и методов. Актуальным объектом такого анализа может стать Югославский кризис, протекавший в условиях крушения биполярного мира.

Актуальность представленной работы подтверждается тем, что, хотя горячая фаза Югославского кризиса закончилась в 2001 г., угроза ее возобновления до конца не преодолена. Так, обострились сербско-албанские и македонско-албанские отношения, территориальные споры между Черногорией и Косовом. Под безусловным западным давлением Подгорица вступила в НАТО (несмотря на серьезное противодействие в обществе), предпринимаются попытки ревизовать Дейтонские соглашения 1995 г. в Боснии и Герцеговине (БиГ). Текущая обстановка демонстрирует сохранение кризисных процессов на постюгославском пространстве и их развитие в условиях внешнего влияния. «Бульдозерная революция», показав возможность беспрецедентного заграничного давления на электоральные процессы, запустила этот механизм по всему миру. Таким образом, изучение форм внешнего вмешательства (и их эффективности) необходимо как для поиска консенсуса в регионе, так и для решения глобальных вызовов международной безопасности.

Степень разработанности темы исследования. Горячая фаза Югославского кризиса (период вооруженных конфликтов в бывшей СФРЮ с 1991 по 2001 гг.) является достаточно хорошо изученной, но послевоенный его этап (с декабря 1995 г. – для БиГ, с июня 1999 г. – для Союзной Республики Югославия [СРЮ]) описан значительно меньше.

Базовыми работами отечественных авторов по истории Югославского кризиса являются труды В. К. Волкова¹ и Е. Ю. Гуськовой². Е. Г. Пономарева исследовала политическую историю постюгославских стран, подчеркивая важность внешнего фактора в формировании здесь государственности³. Вопросы осмысления геополитического концепта «Новых Балкан» рассмотрел Ар. А. Улунян⁴.

Британская исследовательница С. Рамет выдвинула тезис о внутренних причинах развала всех трех Югославий, не признавая роль внешнего фактора⁵.

Изучение послевоенной БиГ связано с анализом Дейтонских соглашений и деятельностью Высокого представителя по Боснии и Герцеговине. Как отечественными (Е. Г. Пономарева⁶), так и зарубежными (Д. Чендлер⁷) учеными признается отсутствие у нее суверенности. К. В. Никифоров воссоздал картину отношения российских властных структур к войне в Боснии⁸. П. Е. Кандель не без основания полагал, что навязывание со стороны ЕС унификации в Боснии приведет к росту межнациональной напряженности⁹. Анализу взаимоотношений России и Республики Сербской посвятил статью

¹ Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; и др.

² Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001; и др.

³ Пономарева Е. Г. Политическое развитие постюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007; и др.

⁴ Улунян Ар. А. Новая политическая география: Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX века–начало XXI века. М., 2009; и др.

⁵ Ramet S. P. The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005. Washington, 2006.

⁶ Пономарева Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 64–76; и др.

⁷ Chandler D. State-building in Bosnia: the limits of 'informal trusteeship' // International Journal of Peace Studies. 2006. № 1. P. 18–23.

⁸ Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап): [1992–1995 гг.]. М., 1999; и др.

⁹ Кандель П. Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 77–86.

Н. В. Бондарев¹⁰. Г. Н. Энгельгардт, автор диссертации по истории возникновения и эволюции Республики Сербской¹¹, описал статус района Брчко в БиГ¹². Итальянский историк Р. Беллони показал вмешательство НАТО и ЕС в Боснии¹³.

Свержение С. Милошевича в октябре 2000 г. привлекло внимание ученых только с 2007 г. Одной из первых стала статья К. В. Никифорова¹⁴ о политических изменениях в СРЮ в 1989–2000 гг. Белградский историк и политолог П. Ильченков отметил сходство «бульдозерной революции» в Сербии с последующими «экспресс-революциями»¹⁵. Дж. Суссман¹⁶, рассматривая американскую систему смены режимов на постсоветском пространстве и в Югославии, выделил общие черты в тактике подготовки цветных революций. Вопросы экономической помощи ЕС Сербии были рассмотрены К. Адельман¹⁷.

В 2003 г. группа ученых из разных европейских стран (Ф. Бибер, Б. Хуска и др.) выпустила коллективную монографию, посвященную проблемам истории Черногории после 1991 г.¹⁸ Один из авторов В. ван Мерс проанализировал текст Белградского

¹⁰ Бондарев Н. В. Россия и Республика Сербская: история отношений, перспективы сотрудничества // Проблемы национальной стратегии. 2016. №3 (36). С. 9–25; и др.

¹¹ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Энгельгардт Георгий Николаевич. М., 2015.

¹² Энгельгардт Г. Н. От арбитража до округа. Район Брчко в Дейтонской Боснии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 87–97; и др.

¹³ Belloni R. State Building and International Intervention in Bosnia. New York, 2007.

¹⁴ Никифоров К. В. «Бархатная революция» по-сербски // История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 325–353.

¹⁵ Ильченков П. «Экспресс-революция» в Сербии // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С. 56–91.

¹⁶ Sussman G. Branding Democracy: U.S. Regime Change in Post-Soviet Eastern Europe. New York, 2010.

¹⁷ Adelman C. Foreign aid: Effectively advancing security interests // Harvard international review. 2007. September. P. 62–67.

¹⁸ Montenegro in Transition Problems of Identity and Statehood. Baden-Baden, 2003.

соглашения 2002 г., подчеркнув роль Х. Соланы в процессе его подготовки¹⁹. С. Дарманович выдвинул некорректный, на наш взгляд, тезис о том, что США и ЕС не поддерживали стремление Черногории стать независимым государством²⁰. Г. Нутчева, М. Хёйссен описали историю создания государственного сообщества Сербия и Черногория и развернувшиеся политические дебаты вокруг его сохранения²¹.

Заметное место в изучении проблемных регионов, в том числе постюгославского пространства, занимает западный аналитический центр – Международная кризисная группа. На ее брифинге по референдуму о независимости Черногории были приведены сведения о политической борьбе в СиЧ по вопросу его сохранения и организации плебисцита²².

Ситуацию вокруг статуса Косова с юридической точки зрения рассмотрел А. Н. Патрушев, отметив правовую необоснованность применения принципа самоопределения наций для южносербского края и изложив в общих чертах переговоры по его статусу²³.

М. Веллер придерживался западной трактовки процесса определения статуса Косова и Метохии (КиМ), подчеркивая роль ЕС и США в достижении краем независимости, которая, по его

¹⁹ *Meurs W. van.* The Belgrade Agreement: Robust mediation between Serbia and Montenegro independence // *Montenegro in Transition Problems of Identity and Statehood.* Baden-Baden, 2003. P. 63–82.

²⁰ *Дарманович С.* Черногория перед историческим решением // *Вестник Европы.* 2002. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/5/darman.html> (дата обращения: 15.04.2017).

²¹ *Нутчева Г., Хёйссен М.* Сербия и Черногория // *Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии.* М., 2005. С. 115–154.

²² Брифинг Международной Кризисной группы (International Crisis Group) № 42. 30 мая 2006 г.: Референдум в Черногории. URL: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b42-montenegro-s-referendum-russian.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

²³ *Патрушев А.* Проблема независимости Косово в системе международных отношений // *Космополис.* 2008. № 1. С. 113–123.

мнению, автоматически обеспечит стабильность в регионе²⁴. Австрийский историк Х. Хофбауэр проводил идею о том, что международные организации и их представительства установили в южносербском крае фактически режим колониализма²⁵. Английский исследователь Дж. Кер-Линдсей посвятил монографию переговорам по статусу Косова²⁶.

П. Е. Кандель обращал внимание на действия в Сербии внешних акторов²⁷. С. А. Романенко, соглашаясь с западной позицией, писал о невозможности рассматривать Косово в качестве прецедента, так как каждый конфликт уникален²⁸. Н. В. Бондарев подчеркивал, что самопровозглашение независимости южносербского края и ее признание рядом стран, в том числе ЕС и США, означает торжество политики двойных стандартов²⁹.

Белградский журналист Н. Врзић³⁰ проанализировал значительную часть сведений из документов «Викиликс» (секретных донесений дипломатов США), относящихся к косовской проблеме.

Авторитетный российский историк Б. А. Шмелев написал несколько работ, посвященных проблеме европейской безопасности в контексте Югославского кризиса³¹. В центре

²⁴ *Weller M.* Negotiating the final status of Kosovo // Chaillot Paper Paris. 2008. Desember. № 114. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp114.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).

²⁵ *Hofbauer H.* Experiment Kosovo, Die Rückkehr des Kolonialismus. Wien, 2008.

²⁶ *Ker-Lindsay J.* Kosovo: the path to contested statehood in the Balkans. London, 2009.

²⁷ *Кандель П. Е.* Сербия между Косово, ЕС и Россией // Мировая экономика и мировые отношения. 2009. № 1. С. 52–60.

²⁸ *Романенко С. А.* Казус Косово, европейский порядок и постсоветское пространство // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 126–129.

²⁹ *Бондарев Н. В.* Парадоксы косовской «независимости» // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 3. С. 47–66.

³⁰ *Врзић Н.* Викиликс – Тајне београдских депеша. Београд, 2011.

³¹ *Шмелев Б. А.* Косовский кризис и европейская безопасность // Политика. 2000. № 2. С. 148–159; и др.

внимания Шмелева – роль России в урегулировании косовского конфликта³².

Е. Ю. Гуськова подчеркнула внешнее влияние на послевоенный этап Югославского кризиса (участие американцев в финансировании и организации смены власти в Белграде, роль ЕС и лично Х. Соланы в разработке и принятии Белградского соглашения)³³.

Немецкий историк Н. ван Виллинген посвятил монографию сопоставлению миссий Управления Высокого представителя в Боснии и Миссии ООН по делам Временной администрации в Косово (МООНВАК), анализу устойчивости и эффективности созданных под их руководством местных институтов власти³⁴.

Таким образом, Югославскому кризису в целом и отдельным его аспектам в частности посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Однако степень изученности действий внешних акторов на послевоенном этапе кризиса остается недостаточной, эти проблемы нуждаются в дальнейшей научной разработке.

Объектом исследования является послевоенная фаза Югославского кризиса, а именно ситуация, сложившаяся в Боснии и Герцеговине после подписания в 1995 г. Дейтонских соглашений, и в СРЮ после агрессии НАТО в связи с косовскими событиями в 1999 г. **Предметом изучения** является послевоенное внешнее вмешательство, его формы и методы, примененные на Балканах на территории БиГ и СРЮ со стороны внешних акторов, их роль и влияние на дальнейшую эволюцию как структуры безопасности в регионе, так и системы международных отношений.

Хронологические рамки для Боснии и Югославии неоднородны. Для БиГ точкой отсчета является подписание Общего рамочного соглашения о мире в БиГ в декабре 1995 г.

³² Шмелев Б. А. Политика России по урегулированию косовского кризиса // Косово: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2012. С. 207–228.

³³ Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. М., 2013.

³⁴ Willigen N. van. Peacebuilding and international administration: the cases of Bosnia and Herzegovina and Kosovo. London; New York, 2013.

Вооруженный конфликт в СРЮ закончился принятием Советом Безопасности ООН Резолюции № 1244. Следовательно, изучение форм и методов послевоенного вмешательства на территории СРЮ (СиЧ, Сербии) начинается с 10 июня 1999 г. Верхний хронологический рубеж – самопровозглашение независимости Косова в 2008 г.

Территориальные рамки исследования включают в себя Боснию и Герцеговину и Союзную Республику Югославию (а также «преемников» последней – государственное сообщество Сербия и Черногория, а после референдума 2006 г. – Республику Сербию).

Цели и задачи исследования. Целью исследования является изучение форм и методов внешнего вмешательства в кризисные процессы на территории БиГ и СРЮ после завершения соответственно боснийской войны и агрессии НАТО против Югославии и выявление влияния данного вмешательства как на формирование векторов развития происходящих на Балканах процессов и событий, так и на потенциальные изменения в системе международных отношений и региональной безопасности.

Поставленной целью обуславливается перечень необходимых для ее достижения задач, которые можно сформулировать следующим образом:

осуществить анализ структуры внешнего управления в Боснии и Герцеговине и системы международного присутствия в Косове и Метохии, организованных на основании Дейтонских соглашений и Резолюции СБ ООН № 1244 соответственно;

провести компаративное исследование указанных двух моделей внешнего управления и контроля над территориями БиГ и КиМ;

изучить проводимый институтами внешнего управления в Боснии и Косове политический курс, его влияние на ситуацию на постюгославском пространстве и происходящие там процессы;

оценить степень участия иностранных государств, действовавших, в первую очередь, через различные НКО, в финансировании и организации в Белграде в октябре 2000 г. «бульдозерной революции»;

определить роль внешнего фактора в ходе сепарации Черногории;

продемонстрировать позиции, деятельность и значение внешних акторов (как отдельных стран, так и международных организаций и объединений, в том числе ООН и Контактной группы) в процессе выработки решения относительно статуса Косова и Метохии;

рассмотреть степень обоснованности выдвигаемого западными политиками и дипломатами тезиса об «исключительности» и «уникальности» ситуации в Косове;

обозначить основные тенденции внешнего влияния на ситуацию вокруг Косова и Метохии после самопровозглашения Приштиной своей независимости;

объединить все рассмотренные нами конкретные формы и методы внешнего вмешательства в общем контексте и в рамках единой логики изучения кризисного процесса на Балканах, не завершившегося с прекращением боевых столкновений.

Научная новизна исследования в первую очередь определяется тем, что комплексно и взаимосвязано послевоенные формы и методы внешнего вмешательства в Югославский кризис рассматриваются впервые.

Одним из новых подходов данной работы является подробное сравнение систем международного управления в БиГ с одной стороны, и в КиМ – с другой. При уже имеющихся в историографии утверждениях о схожести международной надстройки в Боснии и Косове именно в данной работе впервые было проведено достаточно подробное компаративное исследование международных политических институтов, выстроенных на основании Дейтонских соглашений и Резолюции СБ ООН № 1244, а также реальной практики их функционирования, часто выходящей за рамки этих документов.

При изучении событий октября 2000 г. в СРЮ, повлекших за собой свержение С. Милошевича, особое внимание уделено информации, опубликованной на сайтах различных западных неправительственных организаций. Приведены высказывания официальных лиц, в том числе представлявших государственные органы власти некоторых западных стран, свидетельствующие о поддержке противников Милошевича.

При изучении сецессии Черногории показана роль ЕС в окончательном распаде Югославии, в том числе в разработке Белградского соглашения. Выдвинут и обоснован тезис о том, что

мнимое «невмешательство» Брюсселя в дезинтеграционные процессы в СиЧ означало на деле такую форму внешнего вмешательства, которая потворствовала сепаратистским настроениям черногорской элиты. Кроме того, обозначена уместность сравнения между СиЧ и БиГ, когда при наличии в двух постюгославских государствах центробежных тенденций Брюссель в одном случае поддержал проведение референдума о независимости Черногории, а в другом – жестко боролся с аналогичными стремлениями Республики Сербской.

Изучение переговорного процесса по статусу Косова тоже содержит новые подходы. Во-первых, здесь были использованы некоторые источники, не привлекавшиеся до этого в историографии для изучения данного вопроса, например, интервью представителей стран – членов Совета Безопасности ООН, данные ими по итогам закрытых заседаний СБ ООН, где обсуждался вопрос КиМ. Особого внимания в этом ключе заслуживает проект резолюции СБ ООН, обсужденный на консультациях членов Совбеза ООН 20 июля 2007 г. и снятый в итоге с повестки его заседаний. Анализ этого так и не принятого документа, а также мемуаров бывшего посла США в СРЮ У. Монтгомери в отечественной историографии представлен впервые. В работе приводятся сведения о действиях США в 2007 г. по достижению независимости Косова, почерпнутые из документов, размещенных на сайте «Викиликс». Во-вторых, достаточно подробно рассмотрен сам переговорный процесс, проведен тщательный анализ документов ООН и Контактной группы, определивших основные тенденции и направления работы по решению вопроса о статусе Косова и Метохии.

Все обозначенные проблемы изучаются в работе в контексте внешнего вмешательства, имевшего место в послевоенной фазе Югославского кризиса. Это позволяет зафиксировать единую политику евроатлантических партнеров на постюгославском пространстве.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для дальнейшей научной разработки проблемы, в том числе для классификации внешних невоенных форм вмешательства в кризисные процессы в других регионах мира.

Выводы относительно «бульдозерной революции» и участия в ней американских НКО могут быть полезны для изучения цветных революций на Украине, в Грузии, Киргизии, «арабской весны» на Ближнем Востоке. Анализ форм внешнего вмешательства может быть использован при написании монографий, статей, курсов лекций по истории Балкан, Европы, США, постсоветского пространства, а также при чтении лекций и спецкурсов по новейшей истории в высшей школе.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу работы составили труды по методологии истории, теории международных отношений, сущности Югославского кризиса, французской школы «Анналов»³⁵. Мир вступил в полосу глобализации, которая создала охватывающую все континенты универсальную историю. В наши дни всеобщая история представляется «в виде многоуровневой сетевой модели как полицентричное множество различных взаимодействующих локальных и частных процессов»³⁶. Возникшая глобальная история «опирается на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса»³⁷. Это позволило увидеть политику США и европейских стран, их влияние на потенциальные изменения в системе региональной безопасности и международных отношений.

Для получения полной картины изучаемых процессов применены междисциплинарный, интердисциплинарный подходы. Методы политологии раскрыли систему политических институтов в БиГ и СРЮ. Привлечены теория международных отношений, микроанализ локальной и региональной истории.

Основополагающими методами и принципами в исследовании стал принцип историзма и общенаучные

³⁵ Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014; *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; *Сидорцов В. Н., Приборович А. А.* Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования. Минск, 2013; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 2006–2007; *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980; и др.

³⁶ *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. ... С. 249.

³⁷ Там же. С. 211.

исторический и логический методы. В сочетании со специальными историко-генетическим, ретроспективным методами, диахроническим анализом они позволили изучить процесс формирования типов внешнего вмешательства. Общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез) и специально-исторические методы познания дали возможность увидеть слабую проработанность официальных нормативных документов ООН, истинные цели США и ЕС в ходе Югославского кризиса.

В основном использованы описательные методы. Из количественных методов применен количественный анализ, который позволил, например, выявить определяющее финансовое участие США и Германии в подготовке свержения С. Милошевича.

Синергетика, системно-структурный и функциональный анализ, традиционный специально-исторический историко-системный метод, системный подход позволили на основе междисциплинарного синтеза рассмотреть постюгославское пространство как интерактивную систему в мировой истории, когда невоенные методы повторяли военные; передачу полномочий от ООН к ЕС и НАТО; двухуровневую модель международного управления в БиГ.

Компаративный анализ моделей внешнего управления в Боснии и Косове показал как их принципиальную схожесть, так и существенные отличия. Сравнительное исследование выявило, что Евросоюз боролся с сепаратистскими стремлениями Республики Сербской, но активно помогал проведению референдума о независимости Черногории. Историко-типологический метод позволил разработать типологизацию невоенных форм и методов внешнего вмешательства в регионе, выделив пять их типов.

Применение комплекса методов позволило получить достоверные и надежные результаты и решить поставленные в диссертации цели и задачи.

Источниковая база, отражая многоаспектность внешнего вмешательства в Югославский кризис в послевоенные его периоды, отличается значительным объемом, разнотипностью и многоплановостью.

Предмет нашего исследования подразумевает использование в первую очередь нормативных правовых документов международного и национального (государственного)

уровней, обладающих высокой репрезентативностью, таких как резолюции СБ ООН³⁸, законодательство ЕС³⁹, международные договоры (Дейтонские соглашения, Белградское соглашение) и другие. Они позволили обоснованно выявить и изучить как модели международного управления на постюгославском пространстве, так и иные законодательно оформленные методы внешнего вмешательства.

Важными для раскрытия темы делопроизводственными документами стали «Руководящие принципы Контактной группы по урегулированию статуса Косово» (S/2005/709), «Всеобъемлющее предложение по урегулированию статуса Косово» (S/2007/168/Add.1), впервые рассмотренный в отечественной историографии проект резолюции по Косову (S/2007/437), документы ЕС, мнения Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), документы Конгресса США и другие.

Репрезентативными для данного исследования являются и документы различных негосударственных, общественных структур. Этот вид исторических источников привлекался в первую очередь для анализа участия американских НКО в подготовке «бульдозерной революции».

Изучение экономических форм внешнего вмешательства на послевоенном этапе Югославского кризиса, например, в виде донорской помощи, невозможно без привлечения статистических материалов МВФ и других финансовых организаций.

Публичные выступления политиков в разрезе нашей темы также явились важными источниками. Были использованы выступления Президента РФ В. В. Путина⁴⁰, речи сербских политиков⁴¹, представителей албанских местных властей в Косове и другие.

³⁸ URL: <http://www.un.org/ru/documents/index.html> (дата обращения: 10.01.2018).

³⁹ URL: <http://europa.eu/>; URL: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 12.01.2017); и др.

⁴⁰ Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 17.04.2017); и др.

⁴¹ Коштуница В. Защитить Косово: [сборник: пер. с серб.]. М., 2010; и др.

Материалы периодической печати привлечены в качестве дополнительного источника, отражающего как общий фон событий, так и необходимую конкретику по отдельным изучаемым аспектам темы.

В работе были использованы источники личного происхождения, такие как мемуары американских (М. Олбрайт⁴², У. Монтгомери⁴³), российских (Е. М. Примаков⁴⁴), югославских (Б. Милошевич⁴⁵) чиновников для более репрезентативного анализа выработки решений, эволюции взглядов акторов Югославского кризиса.

Специфика изучаемой тематики диктует необходимость использования такого вида источников, как видеодокументы. Особую важность имеют видеозаписи официальных интервью постоянных представителей стран – членов Совета Безопасности ООН по итогам закрытых заседаний Совета и консультаций по статусу Косова и плану М. Ахтисаари⁴⁶. Был использован также французский документальный фильм «Революция.com. США: завоевание Востока» режиссера М. Бердуго.

Высокоинформативный корпус использованных для написания диссертации исторических источников позволяет выявить как разнообразие форм, так и внутреннее единство содержания феномена внешнего вмешательства в Югославский кризис на территории БиГ и СРЮ на послевоенном этапе и решить поставленные исследовательские задачи.

Положения, выносимые на защиту:

⁴² См. *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь: Мемуары Мадлен Олбрайт. М., 2004.

⁴³ *Montgomeri V.* Kad ovacije utihnu: Borba s demokratskom tranzicijom: Sećanja poslednjeg američkog ambasadora u Jugoslaviji. Dr. izd. Beograd, 2016.

⁴⁴ *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках: = [Годы в большой политике]. М., 2015.

⁴⁵ *Милошевич Б. С.* Балканский излом: Избранные интервью, статьи, выступления, лекции. 1999–2012 гг. М., 2012.

⁴⁶ Например, *Informal comments to the Media by the UN's special envoy for Kosovo, Mr. Martti Ahtisaari, on the situation in Kosovo.* [Видеозапись, электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/webcast/2007.html> (дата обращения: 18.01.2017).

1. Компаративный анализ моделей внешнего управления в Боснии и Косове показывает, что международное присутствие на постюгославском пространстве строилось по схожим принципам и структурно разделялось на военную и гражданскую составляющие. Военные миссии обеспечивали фактический режим оккупации на подконтрольных территориях. Руководители гражданских присутствий осуществляли полномочия исполнительной и законодательной ветвей власти, контролировали судебные системы и международные полицейские силы, обладали эксклюзивным правом толкования текстов международных документов, устанавливавших международное управление в БиГ и КиМ, что свидетельствовало о формировании международным сообществом недемократичных и непрозрачных систем внешнего управления на Балканах, противоречащих принципам разделения властей.

2. При схожести моделей внешнего управления в БиГ и КиМ между ними наблюдались и определенные отличия. Так, боснийская модель имела более четкие юридически закрепленные формы в Дейтонских соглашениях, тогда как Резолюция СБ ООН № 1244 лишь в общих чертах определяла круг полномочий международного присутствия в Косове. Это, с одной стороны, создавало правовой вакуум (например, управление присутствием по безопасности в Приштине фактически осуществлялось Североатлантическим альянсом, хотя в Резолюции СБ ООН № 1244 такого права за ним закреплено не было), с другой – подталкивало западные страны к ревизии косовской модели международного присутствия и ее реформатированию на боснийский манер, который, в свою очередь, сам изменялся путем наделения руководителя гражданской миссии все большими полномочиями.

3. Очевидной стала общая эволюция моделей международного присутствия на постюгославском пространстве в сторону передачи полномочий от ООН (как мировой и универсальной организации) к региональным международным объединениям – ЕС и НАТО. При этом прослеживалась общая тенденция, когда Альянс концентрировался на военных миссиях, а Евросоюз – на гражданском управлении (и полицейских силах). Отметим, что в контексте развития миротворческой миссии в БиГ это стало продолжением политики, сформировавшейся еще в

период военного конфликта в Боснии, когда наблюдалась фактическая замена миротворцев ООН на силы быстрого реагирования НАТО, а также ВВС и ВМС Альянса.

4. В ходе «бульдозерной революции» в СРЮ в октябре 2000 г. произошла смена правящей политической элиты в Белграде. С. Милошевича удалось устранить при непосредственном организационном и финансовом участии зарубежных, в первую очередь американских и немецких некоммерческих организаций. Подготовка осуществлялась американскими НКО – некоммерческими организациями, представлявшими две основные политические партии в США – республиканцев и демократов, что говорило о скоординированной работе всего вашингтонского истеблишмента. Внешнее вмешательство в «бульдозерную революцию», имевшее целью свержение С. Милошевича, стало прямым продолжением политики санкций и «гуманитарной интервенции» НАТО в 1999 г., отличаясь от них лишь формой, но не содержанием.

5. Сепарация Черногории стала возможной при явственном организационном участии Евросоюза. Несмотря на публичные заявления о желании сохранить единое государство, ЕС стал одним из авторов Белградского соглашения, фактически ликвидировавшего СРЮ (в нарушение действовавшей на тот момент конституции государства), образовавшего вместо нее аморфное государственное сообщество Сербия и Черногория и закрепившего право через три года провести референдум о выходе из него республик. В соответствии с этим документом Брюссель имел полномочия третейского судьи в спорах между Белградом и Подгорицей, однако не воспользовался указанными возможностями для урегулирования отдельных имевшихся между сербской и черногорской сторонами разногласий в тех или иных сферах. Евросоюз не подтвердил на практике заявленное желание сохранить единое государство СиЧ, что фактически еще больше подтолкнуло Черногорию к выходу из него. Этому способствовало и участие Венецианской комиссии и ЕС в подготовке правил и организации проведения референдума о независимости Черногории. Причем при их формулировании из норм международного и местного (черногорского) права были выбраны те положения, которые в большей степени отвечали интересам сторонников отделения. Тот факт, что еще в 2001–2002 гг. идея

референдума о независимости Черногории с установленным порогом в 55 % проголосовавших за то или иное решение была высказана послом США в Югославии Монтгомери, позволяет предположить, что в действительности США в сецессии Подгорицы сыграли куда более значительную роль, чем это принято считать в историографии.

6. Переговорный процесс по статусу Косова и Метохии характеризовался определяющим в нем участием международного сообщества. Фактически, о дальнейшей судьбе южносербского края договаривались не Белград с Приштиной, а Вашингтон с остальными участниками переговорного процесса. В связи с этим вся работа по определению статуса Косова стала тенденциозной и была выстроена таким образом, чтобы СБ ООН предлагались готовые решения, не предполагавшие альтернативы признанию независимости Приштины (этому способствовал формат работы Контактной группы). Только твердая позиция России, не желавшей санкционировать как нарушение международного права, так и игнорирование международным сообществом интересов одной из сторон косовского конфликта, позволила не допустить получение мандата на реализацию плана Ахтисаари от СБ ООН. Вместе с тем, после одностороннего провозглашения независимости Косова евроатлантическими институтами началась фактическая реализация этого плана на практике.

7. Для понимания степени вмешательства внешних акторов в Югославский кризис на послевоенных этапах нами выделено пять типов такого вмешательства: нормативный, дипломатический, политический, а также организация международного присутствия и формирование экономических рычагов влияния.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность приведенных выше научных положений подтверждается анализом репрезентативных письменных и иных источников различных видов, и, прежде всего, законодательных, нормативно-правовых актов и делопроизводственных документов. В целях апробации результатов основные положения исследования были представлены в выступлениях на научно-практических конференциях в городах Москва, Вена, Санкт-Петербург, Омск, по итогам которых опубликованы статьи и тезисы докладов. По теме диссертации опубликовано двенадцать работ, из них шесть (одна –

в печати) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав основной части, заключения, списков сокращений и условных обозначений, источников и литературы, иллюстративного материала.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены степень ее разработанности в научной литературе, объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, цели и задачи исследования, отмечены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, методология и методы диссертационного исследования, дана характеристика источниковой базы, сформулированы положения, выносимые на защиту, обоснована достоверность исследования, подтверждена проведенная апробация результатов.

В **первой главе** «Организация режимов международного управления на территории Боснии и Косова» рассматривается международное присутствие в Боснии и Косове, которое базировалось соответственно на Дейтонских соглашениях и Резолюции СБ ООН № 1244.

Первый параграф «Институты внешнего управления и государственность Боснии и Герцеговины по Дейтонским соглашениям» посвящен формам и методам внешнего вмешательства во внутренние процессы в Боснии, призванным утвердить там влияние НАТО и ЕС и создать работоспособные модели опосредованного управления этими территориями.

Внедрение таких моделей внешнего вмешательства характерно именно для послевоенного периода. В соответствии с Дейтонскими соглашениями в БиГ была сформирована система контроля внутрисубъективных процессов международным сообществом. Эта была двухуровневая модель, содержащая внешнюю ступень – систему международного присутствия первого порядка, включавшую международные гражданскую, военную и полицейскую миссии, и внутреннюю ступень – систему международного присутствия второго порядка, состоявшую из закрепленного в законодательстве обязательного присутствия иностранных граждан и представителей международных организаций в составе внутрисубъективных органов власти.

Особняком для БиГ стояла локальная форма внешнего управления в округе Брчко. Не предусмотренная Дейтонскими соглашениями, она сложилась в результате последовательного и произвольного расширения Арбитражем своих полномочий и

превратилась в самостоятельную структуру (предполагавшую некоторую автономность по отношению к общесоснийской гражданской миссии Высокого представителя) с двумя основными элементами – собственно Арбитражем и Наблюдателем, являвшимся одновременно заместителем Высокого представителя. Поскольку оба этих института возглавлялись гражданами США, правомерно утверждать, что указанный стратегически важный район фактически управлялся из Вашингтона.

Во *втором параграфе* «Система международного присутствия на территории Косова и Метохии и тенденция к сецессии края» изучается международное присутствие в Косове, которое в соответствии с Резолюцией СБ ООН № 1244 реализовывалось посредством создания международных военной и гражданской миссий под эгидой ООН. Полномочия исполнительной и законодательной власти, контроль за судебными органами и международной полицейской миссией осуществлялись Специальным представителем Генерального секретаря ООН. Руководитель военной миссии имел исключительное право применения военной силы в крае.

При этом деятельность гражданской миссии во многом заключалась в формировании (посредством принятия Специальным представителем соответствующих нормативных правовых актов) на территории автономии самостоятельного правового поля, не связанного и не интегрированного с сербским. Подобная политика международного гражданского присутствия в дальнейшем дала западным дипломатам повод утверждать, что Косово якобы является «уникальным» случаем в том числе и в силу различности правовых норм, действовавших на территории края с середины 1999 г.

Ключевым актором в системе международного присутствия были США, которые фактически стали разработчиками архитектуры международного присутствия в КиМ. Европейский союз, безусловно, также играл значительную роль в международном присутствии в автономном крае, однако даже при состоявшейся передаче полномочий от МООНВАК к гражданско-полицейской миссии ЕС (ЕВЛЕКС) американцы смогли принять участие в формировании европейской миссии.

Деятельность органов международного присутствия, в том числе в силу своей тенденциозности, не соответствовала

общепринятым представлениям о функциях миротворческих сил и выходила за те весьма широкие рамки, какие им были предоставлены Резолюцией СБ ООН № 1244, а имплементация ими данной Резолюции на практике привела к фактическому обособлению Косова и формированию предпосылок для его сецессии.

Предпринятый в главе компаративный анализ структуры моделей внешнего управления и контроля над территориями БиГ и КиМ позволил выявить как общность подходов к их организации и механизмам функционирования, так и имеющиеся в них отличия. Общим для них элементом было подразделение международных присутствий на гражданскую и военную составляющие. При этом Дейтонскими соглашениями для Боснии отдельно определялись полномочия полицейской миссии; в Косове же международные полицейские силы не выделялись в отдельную миссию.

Военное присутствие в Боснии под руководством НАТО было напрямую предусмотрено Дейтонскими соглашениями, тогда как в Косове Североатлантический альянс взял на себя функции по организации и руководству миссии по безопасности явочным путем, не имея на то полномочий со стороны ООН.

Как в БиГ, так и в Косове вопрос участия в миротворческой миссии какой-либо страны, не входившей в НАТО, решался на уровне ее контакта с командованием Альянса, а не с представителями ООН. Фактически вооруженные силы НАТО осуществляли режим военной оккупации БиГ и КиМ.

Структурно модели внешнего гражданского управления в Боснии и Косове имели общие черты. Обращает на себя внимание схожесть функций Высокого представителя в Боснии и Специального представителя в Косово. Однако Специальный представитель в автономном крае все же олицетворял собой ООН, тогда как Высокий представитель в Боснии был в организационном плане эмиссаром таких международных структур, как Совет по выполнению Мирного соглашения (СВМС) и руководящий совет СВМС, а фактически – Евросоюза.

При этом институты внешнего управления в БиГ и КиМ решали разные политические задачи. Деятельность Высокого представителя была направлена на фактический пересмотр Дейтонских соглашений и построение единого централизованного государства, тогда как политика Специального представителя,

помимо закрепления внутреннего единства автономного края в его существующих границах, создавала условия для дальнейшей сецессии Косова.

Во **второй главе** «Фактор внешнего вмешательства во внутривнутриполитические процессы СРЮ: от падения С. Милошевича к сецессии Черногории» рассматривается, какие формы приобрело внешнее вмешательство во внутривнутриполитические проблемы СРЮ, изменившее ее политическую элиту и структуру государства.

В **первом параграфе** «“Бульдозерная революция” 2000 г. в СРЮ: иностранная поддержка югославской оппозиции» изучается роль американских и немецких правительственных и неправительственных организаций в событиях в СРЮ в октябре 2000 г. Вовлеченность иностранных НКО в процесс смены политических элит в Белграде характеризовалась разнообразием форм и методов. В молодежной среде распространялась литература, нацеленная на активизацию протестных настроений «диктаторскому режиму» Милошевича, что явилось делом рук Института Альберта Эйнштейна в Бостоне (AEI). Его руководители фактически стали кураторами создания молодежной оппозиционной организации «Отпор», оказывая поддержку как в идеологическом плане, так и в практической организационной работе. Эта деятельность AEI контролировалась Международным республиканским институтом (IRI), который к тому же профинансировал серию тренингов для активистов «Отпора» на территории других государств.

Национальный демократический институт международных отношений (NDI) проводил работу с оппозиционными партиями, организуя для них специальные семинары, участвуя в формировании единой предвыборной оппозиционной коалиции в Сербии и определении возможного кандидата в президенты от оппозиции.

IRI и NDI, функционирующие под руководством еще одной структуры – Национального фонда в поддержку демократии (NED) – представляли две основные американские политические партии – республиканцев и демократов, которые через Агентство США по международному развитию (USAID) финансировали деятельность NED. Таким образом, смещение С. Милошевича рассматривалось как общая задача всего вашингтонского истеблишмента и стало логичным продолжением как тяжелых

экономических санкций, так и агрессии НАТО против Югославии в 1999 г.

Признавая, что в СРЮ действительно были реальные внутренние предпосылки к политическим изменениям, одновременно нельзя не отметить, что в подготовке и проведении «бульдозерной революции» также весьма заметной была роль внешнего фактора, особенно в финансовом, методологическом и организационном аспектах.

Второй параграф «Участие европейских международных организаций в сецессии Черногории» посвящен анализу ведущей роли внешних акторов в отделении Черногории. Показано, что Евросоюз в лице Х. Соланы явился одним из инициаторов заключения и автором текста Белградского соглашения. Этот документ, закрепляя евроинтеграцию как основную внешнеполитическую задачу для Белграда и Подгорицы, фактически стал основой для преобразования СРЮ в государственное сообщество Сербия и Черногория, зафиксировав право республик через три года инициировать референдум о выходе из общего государства. Таким образом, Черногория получила легитимное право на сецессию.

ЕС принял также активное участие как в выработке правил проведения референдума о независимости Черногории, так и в его организации, что в определенной мере было воспринято как поддержка Брюсселем курса на сецессию Подгорицы. Так, именно под влиянием Евросоюза и на основе выводов Венецианской комиссии был установлен минимальный (из распространенных в мировой практике) порог квалифицированного большинства на уровне 55 % голосов, необходимых для провозглашения независимости (что соответствует предложению посла США в СРЮ Монтгомери, выраженному им еще в 2001–2002 гг.), и введен запрет на участие в голосовании черногорцев, проживавших в Сербии. При этом прекращение переговоров о евроинтеграции в связи с невыдачей на тот момент Сербией Р. Младича, а также дифференцированная политика ЕС по отношению к Сербии и Черногории способствовали утверждению в Подгорице мнения, что она не должна быть заложником взаимоотношений Белграда и международного сообщества.

В третьей главе «Роль международного сообщества в переговорном процессе по статусу Косова и Метохии»

рассмотрены позиции внешних акторов по вопросу о дальнейшей форме существования Косова, отраженные в переговорном процессе, и их последующая политика по косовскому вопросу после самопровозглашения независимости края.

В первом параграфе «Переговорный процесс по статусу Косова и Метохии: курс на сецессию» определены основные вехи участия международного сообщества в решении указанной проблемы и выявлена степень его контроля за этим процессом. Важным поворотным моментом стал отказ международных посредников от реализации плана «Стандартов для Косово» (до их достижения) и переход непосредственно к переговорам по дальнейшему статусу края. Именно международное сообщество определяло ход политического процесса по определению статуса Косова. При этом западные страны проводили агрессивный курс на его сецессию. В результате сам переговорный процесс, проводимый в основном в формате Контактной группы, был нацелен не на организацию равноправной дискуссии, а на подготовку к обсуждению в Совбезе ООН уже готовых безальтернативных решений, направленных на обретение Приштиной независимости. Летом 2007 г. был сформирован новый формат работы по статусу Косова – институт «тройки». Его принципиальное отличие заключалось в том, что это была лишь площадка для переговоров между сербской и косовоалбанской сторонами, которые должны были самостоятельно найти взаимоприемлемое решение. Однако западные дипломаты после появления плана Ахтисаари, предполагавшего суверенитет Приштины под международным надзором, рассматривали дальнейшие переговоры лишь как затягивание процесса, конец которого очевиден и безальтернативен.

Твердая позиция Москвы по проблеме статуса Косова, выраженная в неоднократном пресечении в СБ ООН действий евроатлантических акторов по продавливанию решения о принятии плана Ахтисаари, позволила де-юре сохранить территориальную целостность Сербии, но не смогла предотвратить самопровозглашение албанскими властями края своей независимости.

Во втором параграфе «Отдельные тенденции международного вмешательства после самопровозглашения независимости Косова» показана начавшаяся после

самопровозглашения албанской стороной независимости Косова фактическая реализация плана Ахтисаари, предполагавшего изменение формата международного присутствия на этой территории, образцом которого стала модель, примененная в Боснии. Поддержка со стороны США и ЕС позволила добиться признания косовской независимости многими государствами. Развернулась работа по включению Приштины в различные международные организации, что на практике означало легитимизацию решения о суверенитете Косова.

Принятое в нарушение международного права решение о признании независимости Косова вынудило западных политиков искать идеологическое оправдание своим действиям. Им стало противоречившее объективной реальности утверждение об «исключительной» и «уникальной» ситуации в автономном крае, которая якобы давала основания признать его независимость от Белграда.

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сформулировать и типологизировать как основные формы и методы, использованные для построения моделей внешнего управления процессами на постюгославском пространстве, так и обозначить некоторые тенденции в их развитии.

На основе всестороннего изучения нами выделены пять типов послевоенных форм и методов внешнего вмешательства в Югославский кризис.

Первый тип – это организация международного присутствия, которое заключалось в непосредственном нахождении на территории постюгославских государств внешних акторов и их участия в управлении государством или его частью.

Второй тип – нормативный. Это принятие внешними акторами нормативно-правовых документов, регулирующих внутренние процессы на постюгославском пространстве или их участие в составлении нормативных документов, инициирование законодательных новшеств в постюгославских странах для достижения своих целей.

К третьему, дипломатическому, типу относились формы вмешательства, связанные с осуществлением переговорного процесса и навязывании в его ходе своей точки зрения. Так, во

время работы Контактной группы и «тройки» по определению статуса КиМ США и страны ЕС фактически поддерживали одну из сторон – косоварскую, игнорируя при этом как сербские интересы, так и нормы международного права. Именно это привело в итоге к одностороннему провозглашению независимости Косова.

Четвертый, политический тип, характеризовался вмешательством со стороны внешних акторов во внутривнутриполитические процессы постюгославских государств и обществ, результатом чего стало изменение политических систем этих государств, а также фактический контроль за внутренним государственным строительством со стороны евроатлантических структур.

Пятый тип внешнего вмешательства – формирование экономических рычагов давления на Балканы, когда на смену режима санкций 1990-х гг., в исследуемый период пришли новые методы. Это – предоставление кредитов на условиях проведения определенных социальных и экономических реформ, политический шантаж в обмен на выделение донорской помощи и т. д.

Таким образом, внешнее вмешательство в кризисные процессы на постюгославском пространстве, помимо прямых военных операций, имело самые различные формы. Основные акторы такого вмешательства (США и ЕС) смогли достичь своих целей в регионе во многом за счет комплексности подхода, означавшей сочетание всех типов форм вмешательства.

Можно констатировать, что послевоенные методы внешнего вмешательства никак не противоречили по содержанию целям как военного участия внешних акторов, так и предпринятым ими дипломатическим усилиям до и во время горячей фазы конфликта. При этом совокупность достигнутых с помощью внешнего вмешательства именно на послевоенных этапах Югославского кризиса результатов могла свидетельствовать об окончательной утрате постюгославскими государствами субъектности на мировой арене.

Основной чертой внешнего вмешательства в течение Югославского стала лидирующая в нем роль США, определявших общую стратегию поведения евроатлантических институтов на постюгославском пространстве. США в целом смогли реализовать поставленные задачи и достичь желательных для себя результатов в регионе.

Вашингтон принимал самое непосредственное участие в организации международного присутствия в Боснии и в Косове, причем как в формировании моделей внешнего управления этими территориями, так и в практическом их воплощении. Именно американские политики настаивали на признании независимости Приштины как на единственно возможном пути разрешения проблемы Косова, успешно навязывая это мнение другим международным игрокам.

Одной из характерных черт американской политики на постюгославском пространстве стала неизменность ее курса, постепенность и последовательность в ее реализации. Активность США развивалась на фоне общего ослабления институтов ООН. С точки зрения западных акторов функционирование системы международных отношений и существование институтов ООН обретали смысл лишь в качестве механизмов легитимизации принятых решений. В этом контексте ясна тенденция к передаче функций ООН по разрешению кризисных ситуаций другим международным организациям – в данном случае ЕС и НАТО.

Можно констатировать, что Югославия столкнулась с развязанной Западом против нее гибридной войной, отдельные элементы которой отчетливо прослеживаются не только во время горячей фазы Югославского кризиса, но и позднее.

Переговорный процесс по статусу Косова и Метохии показал, что именно Вашингтон был основным драйвером западного сообщества в выработке подходов к проблемам постюгославских государств, а страны ЕС, как правило, следовали в фарватере американской внешней политики.

Пример БиГ и КиМ выявил сущность разделения сфер полномочий в организации международного управления: гражданские миссии контролировались со стороны ЕС, а международные присутствия по безопасности – военным альянсом НАТО и через него – США. Таким образом, американцы оставляли за собой общий стратегический контроль за ситуацией посредством использования силовых инструментов, отдавая право решения конкретных прикладных задач в гражданской сфере своим европейским союзникам.

Отметим также процесс постепенной натоизации Балкан, под которым следует понимать не только размещение военных баз Североатлантического альянса и США на территории бывшей

СФРЮ, но и выстраивание особых политических отношений между НАТО и новыми постюгославскими государствами. Последние через различные механизмы, в том числе – программу «Партнерство ради мира», по статусу все больше приближались к положению «младших членов» этого военно-политического блока и все активнее втягивались в орбиту его влияния.

Западные акторы признавали боснийскую модель международного управления успешной. Отсюда их стремление территориально расширить ареал ее применения, в частности, в Косове и Метохии. Этому способствовал и план Ахтисаари.

Следует отметить слабую проработанность официальных нормативных документов, призванных урегулировать ту или иную кризисную ситуацию. С учетом этого их инициаторы обеспечивали себе поле для маневра и возможность придерживаться той трактовки, которая в наибольшей степени соответствовала их интересам. Подтверждение тому – реализация Дейтонских соглашений, Резолюции СБ ООН № 1244 и Белградского соглашения. Постулируя благие цели по урегулированию конфликтов на постюгославском пространстве, на практике указанные нормативно-правовые акты позволяли США и ЕС, активно участвовавшим в их реализации, использовать данные документы в своих целях.

Особое внимание следует обратить на активно проводившуюся политику двойных стандартов. Целостность Боснии – государства с выраженными центробежными тенденциями – сохранялась благодаря беспрецедентному по своим масштабам внешнему давлению. Аналогичная ситуация наблюдалась в Косове, где северные муниципалитеты также подвергались постоянному воздействию для сохранения внутренней целостности края в его существующих административных границах. При этом о целостности Сербии никто не беспокоился, а Черногории практически беспрепятственно была предоставлена возможность выйти из общего с сербами государства. Иными словами, одинаковые проблемы международное сообщество решало по-разному в зависимости от своих политических целей и далеко идущих планов. Разность этих подходов объективно свидетельствует об антисербском векторе проводимой внешними акторами политики на Балканах. Сохранение единства БиГ как своего рода «мини-

Югославии» позволяет предположить, что при наличии выраженной политической воли со стороны международного сообщества могла быть сохранена и «большая Югославия».

Изучение послевоенных форм и методов внешнего вмешательства после горячей фазы Югославского кризиса свидетельствует, что их реализация характеризовалась тенденциозностью, недемократичностью, применением политики двойных стандартов, игнорированием норм международного права и интересов отдельных участников внутриюгославских конфликтов. Созданные на практике модели внешнего управления, выстроенные на таком базисе, не способствовали созданию в регионе суверенных государств и не отвечали задаче формирования демократических механизмов государственного управления. Можно констатировать, что использованные евроатлантическими структурами и государствами политические практики несли в себе потенциальные угрозы как региональной безопасности, так и системе международных отношений в целом.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы видятся в возможности расширения территориальных рамок исследования (за счет анализа кризисных процессов в 2000-х гг. в Македонии) и более детального изучения экономических форм и методов внешнего влияния на ситуацию в постюгославских государствах.

**Список публикаций автора,
в которых отражены основные научные результаты
диссертации**

Публикации в рецензируемых научных изданиях

1. Барабанов, О. А. Европейское Сообщество и Югославский кризис в конце 1990–1993 гг. / О. А. Барабанов // Омский научный вестник. – Серия : Общество. История. Современность. – 2013. – № 2 (116). – С. 26–30.
2. Барабанов, О. А. Ускоренный отказ от Ялты и Потсдама / О. А. Барабанов // Родина. – 2013. – № 7. – С. 131–132.
3. Барабанов, О. А. Цветная революция в Сербии: внешний фактор / О. А. Барабанов // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. – 2014. – № 2. Т. 1 (41). – С. 550–557.
4. Барабанов, О. А. Роль ЕС и США в движении Черногории к референдуму о независимости / О. А. Барабанов // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 6. – С. 79–93. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.25077. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/phzni/article_25077.html.
5. Барабанов, О. А. Деятельность международных институтов в переговорах по статусу Косова и Метохии / О. А. Барабанов // Международные отношения. – 2018. – № 1. – С. 18–41. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.1.25298. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pmo/article_25298.html.
6. Барабанов, О. А. Формы экономической экспансии на постюгославском пространстве: от санкций к донорской помощи (1991–2008) / О. А. Барабанов // Славянский альманах. – 2018. – № 1–2 (в печати).

Публикации в других изданиях

7. Барабанов, О. А. Югославский кризис: феномен «гуманитарного вмешательства» в свете развития международного права / О. А. Барабанов // Устойчивое развитие в условиях

глобализации: реализация стратегии ЮНЕСКО на вторую половину декады ООН по образованию для устойчивого развития (2010–2015): Труды Международной Конференции с участием кафедр ЮНЕСКО и сетей ЮНИТВИН. 7–8 декабря 2010 года, г. Москва, Российская Федерация / под общ. ред. В. К. Егорова, В. М. Герасимова, М. А. Кашиной. – Ч. 3. – М.: РАГС, 2011. – С. 9–17.

8. Барабанов, О. А. К истокам Югославского кризиса конца XX в. / О. А. Барабанов // История. Архивы. Судьбы: Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 10-летию открытия специальности «Историко-архивоведение» в Омск. гос. технич. ун-те, 19 апр. 2011 г.: материалы / отв. ред. М. Т. Когут. – Омск: Полиграфический центр Кан, 2011. – С. 168–173.

9. Барабанов, О. А. К вопросу о периодизации Югославского Кризиса 1991–1999 гг. / О. А. Барабанов // Человек в меняющемся мире: VI Гуманитарный конгресс: материалы научно-практ. конф. студентов и аспирантов, посвящ. 70-летию Омск. гос. техн. ун-та, 20 нояб. 2012 г. / отв. ред. М. Т. Когут. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. – С. 51–55.

10. Барабанов, О. А. Югославский кризис: гуманитарная проблема в России в 1991–1999 гг. / О. А. Барабанов // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузовский сборник научных трудов / М-во трансп. Российской Федерации, С.-Петерб. гос. ун-т водных коммуникаций. – Вып. 18 / отв. ред. О. А. Лиходей. – СПб.: СПГУВК, 2012. – С. 35–43.

11. Барабанов, О. А. Методы дипломатического и военного вмешательства США в конфликт в Боснии и Герцеговине / О. А. Барабанов // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В. А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова / под ред. Г. Ф. Матвеева, В. С. Путяткина. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 407–418.

12. Barabanov, O. A. The USA, the EU and Russia in the Kosovo crisis (США, ЕС и Россия в Косовском кризисе) / O. A. Barabanov // The First International Conference on History and Political Sciences. Vienna, 24 марта 2014 г. – Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria, 2014. – P. 9–13. – Текст англ.

Подписано в печать 24.04.2018 г.
Объем: 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Формат 60×90/16